

Р

аскрывая тему любви к Родине, Есенин в своей поэзии опирался, в первую очередь, на лермонтовские традиции. Патриотические заявления двух поэтов не оставляют сомнения в их искренности. Лермонтов еще в раннем стихотворении «Я видел тень блаженства; но вполне...» (1831), во многом определяя патриотический пафос своей зрелой лирики, писал: «...Я родину люблю / И больше многих: среди ее полей / Есть место, где я горесть начал знать». Есенин в «маленькой поэме» «Исповедь хулигана» (1920) вслед за Лермонтовым признавался: «Я люблю родину / Я очень люблю родину! / Хоть есть в ней грусти ивовая ржавь». Таким образом, Есенин вступал с Лермонтовым в своеобразный творческий диалог через время, осознавая, что чувство патриотизма является определяющим и в его поэтическом мироощущении. При этом Есенин не скрывал того, что «чувство родины» неотделимо от «горести» и «грусти». С.Н. Пяткин обратил внимание на сходство романтического мировосприятия лермонтовского и есенинского лирических героев: «Знание тайн своего сердца лирическим героем Есенина <...> вполне очевидно соотносится, к примеру, с основными романтическими словесно-образными темами

лирической <лермонтовской> «Исповеди»¹. Обращаясь к характерному для романтизма мотиву непримиримого конфликта поэта и окружающей его толпы, Есенин в «Исповеди хулигана» творчески развивает тему отверженного лермонтовского пророка, побиваемого камнями. Поэт с вызовом заявляет:

Мне нравится, когда каменья брани
Летят в меня, как град рыгающей грозы.
Я только крепче жму тогда руками
Моих волос качнувшийся пузырь.

Спасением для гонимого поэта становится осознание того, что у него есть родина. Это сближает Есенина с Лермонтовым, лирический герой которого в стихотворении «Как часто, пестрою толпою окружен...» (1840), не скрывая презрения к светскому обществу, отраду находит лишь в своих детских воспоминаниях:

И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные все места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей.

Лирический герой Есенина, оказавшись в чужом для него городе, также признается, что ему дорога прежде всего малая родина:

Я нежно болен воспоминаньем детства,
Апрельских вечеров мне снится хмарь и сырь.
Как будто бы на корточки погреться
Присел наш клен перед костром зари.

Малая родина у поэтов ассоциируется с «потерянным раем» детства и покоем, который символизирует старый пруд. Сравним, у Лермонтова: «зеленой сетью подернут спящий пруд»; у Есенина: «Так хорошо тогда мне вспоминать / Заросший пруд и хриплый звон ольхи». Хронотоп, связанный с лирическим мотивом детских воспоминаний, у поэтов поразительным образом совпадает вплоть до знаковых деталей родного пейзажа, которые помогают создать неповторимый и трогательный образ малой родины. Именно это осознание подлинных ценностей жизни на фоне враждебной «пестрой толпы» заставляет Лермонтова стать обличителем представителей «высшего света»:

И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

Есенин в «Исповеди хулигана» вслед за Лермонтовым создает образы, построенные на приеме антитезы. Обращаясь к тем городским снобам, которые обрушивают на его голову «каменья брани», он вспоминает свое родное село, где живут родители. В них лирический герой видит нравственную опору и духовную защиту, заявляя:

Они бы вилами пришли вас заколоть
За каждый крик ваш, брошенный в меня.

Ощущение своего кровного родства с Россией предопределило появление патриотической лирики Лермонтова и Есенина, создать которую могли лишь поэты с обостренным чувством национального самосознания, что проявляется в ряде ключевых образов, несущих особую эмоциональную и смысловую нагрузку. В 1924 году после возвращения из заграничной поездки по Европе и США Сергей Есенин писал в «Автобиографии»: «...Если сегодня держат курс на Америку, то я

¹ См.: Розанов И. Воспоминания о Есенине // Сергей Есенин в стихах и жизни. Воспоминания современников. М., 1995. С.301.

готов предпочесть наше серое небо и наш пейзаж: изба немного вросла в землю, прясло, из прясла торчит огромная жердь, вдалеке машет хвостом по ветру тощая лошаденка. Это не небоскребы, которые дали пока только Рокфеллера и Маккормика, но зато это то самое, что растило у нас Толстого, Достоевского, Пушкина, Лермонтова и др.»

Не случайно среди русских писателей и поэтов Есенин выделил именно тех, в чьем творчестве особенно ярко проявляется национальное самосознание. Оно формируется под влиянием определенной среды, пейзажа, традиций. Есенин называл это «чувством родины», подчеркивая, что именно оно является «основным» в его творчестве. Одним из первых в русской литературе это чувство выразил Лермонтов в стихотворении «Родина», написав: «Люблю отчизну я, но странную любовь! / Не победит ее рассудок мой...» В творчестве Лермонтова и Есенина встречается ряд ключевых образов, которые несут на себе особую эмоциональную и смысловую нагрузку. Одним из них является образ степи.

В лермонтовской лирике образ степи ассоциируется с широкими просторами России. Не случайно поэт «странную любовь» к отчизне объясняет неодолимой притягательностью среднерусского пейзажа, в котором он в первую очередь выделяет именно степное раздолье: «Но я люблю — за что, не знаю сам — / Ее степей холодное молчанье, / Ее лесов безбрежных колыханье, / Разливы рек ее, подобные морям».

Отметим в этом перечислении дорогих сердцу лирического героя примет родного края своеобразный параллелизм образов, близких по смысловой нагрузке. Бескрайние степи, леса и разлившиеся реки выражают стремление автора особым образом подчеркнуть широту русской души, которая формировалась под влиянием определенного рода пейзажа. Но в этой триаде — степь, лес и реки — особое значение поэт придает именно образу степи. Он одушевляет его с помощью эпитета «холодное молчанье». Лермонтов изображает реалистичный пейзаж с конкретными деталями, которые обретают архетипический подтекст:

Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.

Именно такие земные образы были особенно близки по духу Есенину, подчеркивающему свое крестьянское происхождение в стихотворении со знаковым для поэта началом: «Мелколесье. Степь и дали» (1925): «У меня отец крестьянин, / Ну а я крестьянский сын».

Глубинный архетипический смысл обретает образ степи в стихотворении «Родина», если его воспринимать в контексте других произведений Лермонтова, в которых он также является одним из ключевых.

Так, например, в одном из самых глубоких по идейному замыслу стихотворений Лермонтова раннего периода творчества «1831-го июня 11 дня» возникает аналогия между мыслями лирического героя и степным пейзажем: «И мысль о вечности, как великана, / Ум человека поражает вдруг, / Когда степей безбрежный океан / Синеет пред глазами...». Созданное в юношеском возрасте стихотворение отразило увлечение автора романтизмом с его стремлением к исключительным чувствам, которые рождаются на фоне исключительных обстоятельств. Характерная для поэтики романтизма антитеза построена на противопоставлении гор и степи: «Что на земле прекрасней пирамид / Природы, этих гордых снежных гор?... // Печален степи вид, где без препон, / Волнуя лишь серебряный ковыль, / Скитается летучий аквилон / И пред собой свободно гонит пыль». В этом стихотворении Лермонтов создает романтический прообраз реалистического образа,

ставшего одним из символов Родины. Сравним: «И где кругом, как зорко ни смотри, / Встречает взгляд березы две иль три, / Которые под синеватой мглой / Чернеют вечером в дали пустой».

Для Лермонтова степь — один из обобщенных символов родного края. Например, в стихотворении «Прекрасны вы, поля земли родной» (1831) он с особым чувством подчеркивает, что степной простор олицетворяет для него свободу: «И степь раскинулась лиловой пеленой, / И так она свежа, и так родня душой, / Как будто создана лишь для свободы». Степь близка поэту еще и потому, что в ней ярко проявляется материнское начало, как и в другом фольклорном образе матери-сырой земли. Не случайно в стихотворении «Воля» (1831), созданном в духе народных песен, возникают такие образы: «А моя мать — степь широкая, / А мой отец — небо далекое... / Несусь ли я на коне, — / Степь отвечает мне».

Интересно отметить, как эта параллель небо-земля меняется своими местами в стихотворении «Тучи» (1840): «Тучки небесные, вечные странники! / Степью лазурною, цепью жемчужною / Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники / С милого севера в сторону южную». Метафорическое уподобление небесных просторов «степи лазурной» помогает Лермонтову создать своеобразную метафору — антипод образу степи в стихотворении «Родина». Для туч в отличие от лирического героя Лермонтова нет изгнания, им чуждо «чувство родины», им «наскучили нивы бесплодные».

Образ степи постепенно трансформировался у Лермонтова, обретая библейский подтекст. И начало этому можно найти в философской лирике поэта. Так, например, в стихотворении «Три пальмы» (1839) поэт проводит прямую аналогию между степью и пустыней: «В песчаных степях аравийской земли / Три гордые пальмы высоко росли... / И стали три пальмы на Бога роптать: / «На то ль мы родились, чтоб здесь увядать? / Без пользы в пустыне росли и цвели мы, / Колеблемы вихрем и зноем палимы». В стихотворениях «Выхожу один я на дорогу» (1841) и «Пророк» (1841) особую смысловую роль играет образ пустыни, который вполне соотносим с образом степи. Именно на фоне степного пейзажа Лермонтов размышляет о вечности, жизни и смерти: «Выхожу один я на дорогу; / Сквозь туман кремнистый путь блестит. / Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу. / И звезда с звездой говорит».

Поэт здесь предстает перед нами в образе путника посреди пустыни жизни. Его одиночество подчеркивает бескрайний степной простор, он ассоциируется с библейской пустыней, которая «внемлет Богу». Одиночество Лермонтова соотносимо с трагическим одиночеством пророка, непонятого людьми. Вспомним строки из его стихотворения «Пророк»: «Посыпал пеплом я главу, / Из городов бежал я нищий, / И вот в пустыне я живу...»

Если внимательно вчитаться в лермонтовский текст и проследить за эволюцией образа степи, можно отметить усиление его философской смысловой нагрузки. От топонимической характеристики пейзажа поэт шел к углублению библейского подтекста данного образа, что придавало его лирике особый сакральный смысл.

Образ степи является одним из ключевых и в лирике Есенина. При этом нельзя не отметить, что для него, как и для Лермонтова, образ России был неотделим от образа степи. Степной простор для есенинского лирического героя — одно из самых святых мест. Именно поэтому в стихотворении «Запели тесные дроги» (1916) образ степи ассоциируется со словами молитвы: «Когда звенят родные степи / Молитвословным ковылем». Библейский подтекст образ степи обретает у Есенина в «маленьких поэмах», созданных как отклик на революционные события 1917 года. В поэме «Октоих» (август 1917) поэт создает своеобразную триаду образов, с которыми в его представлении ассоциируется Родина: «О Русь, о степь и ветры, / И ты, мой отчий дом».

В период есенинского имажинистского бунтарства, ставшего своеобразной формой проявления протеста против «умерщвления личности как живого», степь становится у поэта одним из неотъемлемых топонимических образов — символов Руси. В стихотворении «Хулиган» (1919) Есенин так характеризует себя: «Только сам я разбойник и хам / И по крови степной конокрад» — и выражает такое желание: «Мне бы в ночь в голубой степи / Где-нибудь с кистенем стоять». Отметим смысловый эпитет «голубой», который неотделим у Есенина от образа «голубой Руси» («Я покинул родимый дом», 1918).

Особенно ярко символика степи проявляется в маленькой поэме «Сорокоуст» (1920). Здесь степь становится частью развернутого образа крестьянской Руси, вырастающего в смысловую антитезу апокалиптической метафоре железного чудовища-поезда: «Видели ли вы, / Как бежит по степям, / В туманах озерных крошья, / Железной ноздрей храпя, / На лапах чугуных поездов? / А за ним / По большой траве, / Как на празднике отчаянных гонок, / Тонкие ноги закидывая к голове, / Скачет красногривый жеребенок...» Не случайно поединок двух противоположных начал происходит именно в степи, которая ассоциируется с необозримыми просторами России, вставшей перед выбором: или путь индустриализации, который, по убеждению поэта, духовно чужд «соломой пропахшему мужику», или следование вековым традициям гармоничного сосуществования человека и природы.

Лермонтов подчеркивал: именно бескрайние степные раздолья сформировали широкий русский характер, который раскрывается во время праздничного веселья:

И в праздник вечером росистым
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

Есенинский «Сорокоуст» в отличие от лермонтовской «Родины» завершается на трагической ноте. Есенин здесь вступает в полемический диалог с Лермонтовым, ему явно не по душе снисходительное изображение «пьяных мужичков»:

Оттого-то росла тужиль
В переборы тальянки звонкой.
И соломой пропахший мужик
Захлебнулся лихой самогонкой.

В пропащем мужике мы узнаем лирического героя — «последнего поэта деревни», пророчески предсказавшего обреченность русского крестьянства на гибель.

Обратившись в 1924 году к пушкинским и лермонтовским традициям, Есенин вновь использует один из ключевых своих образов, который помогает ему подчеркнуть самобытный характер его творчества. Развивая свою метафору «когда звенят родные степи молитвословным ковылем», поэт так заканчивает стихотворение «Пушкину» (1924): «Но обреченный на гоненье, / Еще я долго буду петь... / Чтоб и мое степное пенье / Сумело бронзой прозвенеть». В связи с этим есенинское «И говорю в ответ тебе...» — можно считать отражением творческого диалога не только с А.С. Пушкиным, но и с М.Ю. Лермонтовым.

В маленькой поэме «Мой путь» (1925), вспоминая самые яркие впечатления детства, Есенин не случайно обращается к образу «степное пенье». Здесь эпитет «степное» подчеркивает особый народный характер творчества поэта, в судьбе которого бабушка сыграла такую важную роль: «И бабка что-то грустное, / Степное пела...» Став знаменитым поэтом, Есенин вновь обращается к истокам своей поэзии, находя вдохновение среди степных просторов своей малой родины: «Хожу смотреть я / Скошенные степи / И слушать, / Как звенит ручей».

Поэтов объединяет общий мотив дорожных странствий по необъятным просторам России, во время которых они воспринимают Родину как самое святое и дорожное для себя. Именно чувство патриотизма, «странной любви» к родине «роднит» лирику Лермонтова и Есенина. Хотя один был из старинного дворянского рода, а другой с гордостью заявлял, что он «крестьянский сын». Лермонтовская и есенинская степь ассоциируется с просторами большой и малой Родины — России, пробуждая в душах двух поэтов-патриотов родственные чувства. С Лермонтовым Есенина объединяет особое, если использовать есенинский эпитет, «степное пенье» и общий для русской литературы мотив дороги по бескрайним просторам. Об этом с проникновенным чувством написано в есенинском стихотворении «Мелколесье. Степь и дали...» (1925): «Неприглядная дорога, / Да любимая навек, / По которой ездил много / Всякий русский человек». Несмотря на то, что интонация лермонтовского стихотворения «Родина» иная, чем у Есенина, и пейзаж не зимний, а осенний, мотив дороги, пролегающей по степи, сближает двух поэтов. Мы убеждаемся в этом, сопоставив процитированное есенинское четверостишие с лермонтовскими строками из стихотворения «Родина»: «Проселочным путем люблю скакать в телеге. / И, взором медленным пронзая ночи тень, / Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге, / Дрожащие огни печальных деревень». Нельзя не отметить своеобразной переключки образов. Степь, дорога, березы, веселье «русских деревень». У Лермонтова бескрайние степные раздолья формируют «широкий» русский характер, который раскрывается во время праздничного веселья: «И в праздник вечером росистым / Смотреть до полночи готов / На пляску с топаньем и свистом / Под говор пьяных мужичков». У Есенина образ русского веселья также неотделим от лихой езды на тройке с песнями под «талянку» по степным зимним дорогам мимо русских деревень: «Как же мне не прослезиться, / Если с венкой в стынь и звень / Будет рядом веселиться / Юность русских деревень».

Нельзя не отметить и того, что одно из последних есенинских стихотворений, в котором он пророчески предсказал свою скорую гибель, связано с образом степной равнины: «Снежная равнина, белая луна, / Саваном покрыта наша сторона. / И березы в белом плачут по лесам. / Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?» Лесостепной пейзаж — покрытая снегом степная равнина — этот образ можно сопоставить с образом пустыни из последних стихотворений Лермонтова. Не случайно, а вполне закономерно мотив дороги по степным пустынным местам у двух русских поэтов связан с предсказанием своей близкой смерти. Поэты мысленным взором окидывают необъятные просторы своей родины и прощаются с ними. В отличие от Лермонтова у Есенина образ степи не перерастает в столь глубокий сакральный символ, а остается земным, но и он соотносится с мотивом ухода из жизни. Это сближает двух гениальных русских поэтов.

Лермонтовские мотивы, аллюзии и реминисценции можно найти в «маленьких поэмах» Сергея Есенина «Русь советская», «Русь бесприютная» и «Русь уходящая». В них он по-философски глубоко осмысляет сущность тех перемен, которые произошли в стране после революции и гражданской войны. Поэт в это время мучительно размышлял о том, по какому пути пойдет «коммуной вздыбленная Русь» и как сложатся его взаимоотношения с Родиной. В статье «Чувство дома» Т. Голованова, определяя перспективы исследования преемственности определенных мотивов в творчестве двух поэтов, писала: «Между Лермонтовым и Есениным сходство начинается там, где оба поэта скажут о себе главное и прежде всего о высоком чувстве национального самосознания»². На самом деле, именно лермонтовское понимание сущности подлинного патриотизма было особенно близко в эти годы С. Есенину. Д. Максимовым была отмечена такая характерная особен-

² Голованова Т. Наследие Лермонтова в советской поэзии. Л., 1978. С. 63.

ность стихотворения «Родина»: «В отличие от лириков предыдущей эпохи, в патриотизме которых было немало стихийного, безотчетного, Лермонтов анализирует свое отношение к России. Можно сказать, что любовь к родине у Лермонтова... впервые в русской литературе становится основной темой, превращается в проблему, которую Лермонтов по-своему ставит, рассматривает и, исходя из приобретенного им опыта, по-своему решает»³.

В «маленьких поэмах» Есенина, созданных в 1924 году, ярко проявляется лермонтовский аналитический подход к осмыслению чувства любви к родине в связи с произошедшими историческими переменами. Возвратившись в родные края, лирический герой не узнает «родимых мест».

Лермонтовский мотив «странной любви к Родине» находит свое развитие в маленькой поэме «Русь советская», где лирический герой так говорит об отношении к себе бывших односельчан: «И в голове моей проходят рои думы: / Что родина? / Ужели это сны? / Ведь я почти для всех здесь пилигрим угрюмый, / Бог весть, с какой далекой стороны». В поэме Байрона «Паломничество Чайльд Гарольда» главный герой также сравнивается с пилигримом. Обращение к Байрону у Есенина связано с развитием лермонтовского мотива и осознанием того, что у поэта «русская душа», поэтому он не может быть безродным отщепенцем. Судьба Чайльд Гарольда не приемлема для лирического героя Есенина. Это заставляет читателя задуматься над глубоким подтекстом поэмы, подводное течение которой вновь выводит на лермонтовские строки, написанные поэтом еще в юности: «Нет, я не Байрон, я другой, / Еще неведомый избранник, / Как он гонимый миром странник, / Но только с русскою душой». Именно это ощущение своего кровного родства с Россией предопределило появление патриотической лирики Лермонтова, создать которую мог лишь поэт с обостренным чувством национального самосознания.

Лирический герой Есенина смиряет свою «бунтующую душу», потому что он не может жить без родины в отличие от безродных романтических бунтарей Байрона. Это сближает Есенина с Лермонтовым. Лермонтовский подтекст имеет и заключительная строфа маленькой поэмы «Русь советская». Подобно автору стихотворения «Родина», Есенин подчеркивает то, что противостоит его «странному» патриотическому чувству: «Но и тогда, / Когда на всей планете / Пройдет вражда племен, / Исчезнет ложь и грусть, — / Я буду воспевать / Всем существом в поэте / Шестую часть земли / С названьем кратким «Русь».

Особый смысл здесь обретает противительный союз «но», заставляющий вспомнить лермонтовские строки «Но я люблю, за что не знаю сам». «Ложь» как сущность новой идеологии и «грусть» поэта как следствие разочарования в ней сродни лермонтовским. Есенин отделяет в «маленьких поэмах» приметы той действительности, которые он не принимает, противопоставляя им вечную, исконную Русь. Поэт не случайно подчеркивает в конце, что он будет воспевать не «Русь советскую», а родину с названьем кратким «Русь». Именно поэтому и у Есенина чувство любви к отчизне приобретает «странный» характер, т.к. его патриотизм противостоит идеям интернационализма, насаждаемым советской идеологией.

О своеобразном «лермонтовском подтексте» есенинских размышлений свидетельствует еще одна деталь. В поэме «Русь советская» Есенин характеризует разговор сельчан с помощью «лермонтовского» эпитета: «Корявыми немытыми речами / Они свою обсуживают «жись». Есенин, подобно Лермонтову, не скрывает критического отношения к рабской психологии. Этот мотив находит развитие в поэме «Русь уходящая», где поэт дает возможность услышать мужицкую «немы-

³ Максимов Д. О двух стихотворениях Лермонтова // Русская классическая литература. М., 1969. С. 124.

тую речь»: «С Советской властью жить нам по нутрю... / Теперь бы ситцу... Да гвоздей немного».

Лирический герой Есенина с горечью признает, как далеки реалии советской действительности от его романтических представлений о крестьянском рае на земле, которые он воплотил в поэме «Инония» (1918). В маленькой поэме «Русь уходящая» лирический герой Есенина осознает себя представителем «потерянного поколения». Подобно лирическому герою Лермонтова, который осуждал себя за бесплодно прожитые годы в стихотворении «Дума», поэт с горечью признается в том, что переживает тяжелый кризис: «Я очутился в узком промежутке». Положение лирического героя есенинских «маленьких поэм» можно сравнить с тем состоянием, в котором оказались современники Лермонтова. Автор «Думы» «выразил трагедию поколения, затерянного на перепутьях истории. Передовой человек 30-х годов девятнадцатого века чувствовал себя «лишним» в своей стране и даже в целом мире. Сходную драму отразил и Есенин, почувствовав, что Родине не нужны ни его любовь, ни его творчество: «Вот так страна! / Какого ж я рожна / Орал в стихах, что я с народом дружен? / Моя поэзия здесь больше не нужна, / Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен».

В творчестве М.Ю. Лермонтова трагедия поэта подчеркивается его характерной романтической иронией. Горькой иронией наполнены и многие размышления Есенина. Сравнивая финальные строки «Думы» и «Руси уходящей», можно и здесь увидеть скрытый диалог. Лермонтов предрекает строгую оценку, которую дадут его поколению: «И прах наш, с строгостью судьи и гражданина, / Потомок оскорбит презрительным стихом, / Насмешкой горькою обманутого сына / Над промотавшимся отцом». Есенин, предвидя подобное осуждение, предпринимает попытку пойти за молодым поколением, сознавая, что воспитанное на агитках «Бедного Демьяна», оно вряд ли его поймет и примет. Именно поэтому заключительная строфа «Руси уходящей» насквозь пронизана горькой есенинской иронией: «Я знаю, грусть не утопить в вине, / Не вылечить души / Пустыней и отколом. / Знать, оттого так хочется и мне, / Задрать штаны, / Бежать за комсомолом».

Из приведенных примеров можно сделать вывод о том, что раскрывая тему Родины, Есенин вслед за Лермонтовым обращался к образу степи, который олицетворял просторы России и широту русской души. Во многом сходными по своей сути были глубокие лермонтовские и есенинские размышления о «странной» любви к родине. Не случайно в поэме «Русь бесприютная» (1924) Есенин упоминает Лермонтова среди наиболее близких ему по духу русских поэтов, драматизм детских впечатлений которых во многом предопределил их дальнейшую судьбу: «Я тоже рос / Несчастный и худой. / Средь жидких / Тягостных рассветов, / Но если б встали все / Мальчишки чередой, / То были б тысячи / Прекраснейших поэтов. / В них Пушкин, / Лермонтов, Кольцов, / И наш Некрасов в них, / В них я...»

Нельзя не согласиться с утверждением лермонтоведа Г.Е. Горланова: «Ключ к уяснению специфики дарований и у Лермонтова, и у Есенина один — это духовное понимание русской идеи, «почвенный» склад мышления, выразившиеся в искренних чувствах любви к Родине»⁴.

⁴ Горланов Г. «Люблю отчизну я...» // Пенза, 2012. С.327.